

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ОПЕРАЦИЯ БЕЗ
НАРКОЗА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Операция без наркоза

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Операция без наркоза / С. В. Самаров — «Автор»,
2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-089620-2

Отряд ОМОНа попал в засаду и был вынужден вступить в неравный бой с превосходящими силами противника. На помощь отправился взвод спецназа ГРУ старшего лейтенанта Георгия Арцыбашева. Бойцы десантировались в заданном районе и сразу же вступили в схватку с моджахедами. При виде молодых солдат матерые головорезы, прошедшие войну в Сирии и Ираке, стали предвкушать легкую и быструю победу. Они еще никогда не имели дела с российским спецназом ГРУ и потому не ожидали, что очень скоро им преподнесут убийственный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089620-2

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	17
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Васильевич Самаров

Операция без наркоза

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Пролог

Мы ползли между черными, осыпающимися по трещинам скалами, выбирая места, где можно протиснуться между каменными преградами, продирались когда на одном боку, когда на другом, стараясь не оставить на камнях клочки одежды, сохраняя при этом полную тишину. Иначе было нельзя...

Уж что-что, а ползать я умею не хуже ящерицы или змеи. И полностью беззвучно, как та же ящерица или змея. Как и мои солдаты, которых я каждый день натаскивал на это, по глазам бойцов понимая, насколько это им неинтересно. Им что-нибудь веселенькое подавай, над чем посмеяться при случае можно, как, например, над собственным падением после промаха при нанесении на тренировке хай-кика. Или чем можно будет потом «на гражданке» друзей и девушек удивить, – правильным и эффективным нанесением такого удара какому-нибудь хулигану.

По натуре я и сам еще такой же молодой, то есть с задором. По большому счету я ведь ненамного старше их. Примерно десять лет разницы. Я для них, выходит, не только командир, но и старший брат. Старший и опытный...

А разница в том, что старший брат и тем более командир обязан понимать слова «полезно», «необходимо». И потому я порой не заменял даже традиционно любимые солдатами занятия по рукопашному бою, но начинал их как раз с ползания, а потом переходил на долгое движение «гусиным шагом». Это тоже скучно, и нагрузка при этом на мышцы большая, кроме того, при «гусином шаге» пережимаются кровеносные сосуды в области таза и нарушается общее кровоснабжение организма, в результате чего с непривычки может наступить даже сильное головокружение и временная потеря ориентации. Правда, всего на несколько секунд, но эти секунды в бою могут стать решающими. Причем для собственной жизни. И потому такие упражнения делать обязательно, чтобы развить в себе привычку и научить ориентироваться в самом сложном физическом состоянии.

А ползание всегда утомляет однообразием. Многим оно изначально не кажется важным, хотя для спецназа это один из основных элементов боевой подготовки, не менее важный, чем стрельба. Более того, я бы сказал, что умение бесшумно ползать даже важнее точной стрельбы. Потому что точный выстрел сделать проще с короткой дистанции, а на нее не подойдешь строевым шагом. Нужно подползти к противнику незамеченным. А порой подползать приходится не на дистанцию точного выстрела, а на дистанцию удара, то есть на ту, с которой противника можно рукой достать. И этому необходимо учиться.

Мы вползли в ущелье недалеко от бандитского поста, буквально в пятнадцати метрах от него, когда часовой был, по нашим расчетам, увлечен рассматриванием в бинокль летающего чуть в стороне вертолета «Ночной охотник».

Часовой, наверно, радовался, считая, что вертолет его не видит. Но с вертолета видели и его, и нас на мониторе, где просматривалась термографическая картинка¹. Правда, видели только в тепловизор и в слегка искаженном разноцветном виде. Но по часовому не стреляли, потому что ему звонили каждые двадцать пять минут, как показывали наши дневные наблюдения. Нетрудно было догадаться, что это звонки контрольные. Кто-то сильно озабоченный желанием сохранить свою драгоценную жизнь, вероятно, человек, отвечающий за безопасность в банде, обзванивал часовых, проверяя их и уточняя ситуацию. Если часовой не ответит, это должно стать сигналом тревоги.

И потому мы приняли решение часового не трогать. Ни того, что сидел под камнем в самом начале ущелья, ни следующего, до которого мы еще не дошли и толком не знали, как будем его обходить.

---

¹ Термографическая картинка – изображение с камеры тепловизора.

Это была большая сложность, поскольку второй часовой имел пост в самом узком месте ущелья и даже в темноте, при свете звезд, мог контролировать проход. У меня была надежда на эти самые пресловутые телефонные звонки. Когда часовой отвлекается на разговор, он теряет бдительность. Этим я и думал воспользоваться. В противном случае его придется сразу же после телефонного звонка «снимать». И завершать все свои действия до следующего звонка.

– Товарищ старший лейтенант, – донесся в наушнике тихий голос младшего сержанта Бори Питиримова, командира второго отделения, что первым пробирался в ущелье во главе своих солдат.

– Что там? – спросил я так же тихо.

– Глухая стена. Похоже, естественного происхождения. Стоит под углом к боковым хребтам. Если бы делали искусственно, стояла бы под прямым углом.

– Это даже шакалу понятно.

Нынешним утром, когда мы вели наблюдение за внешним часовым, из ущелья выбежал шакал с поджатым хвостом. Впрочем, поджатый хвост в данном случае был не признаком испуга, а характерной особенностью этого зверя. Это собаки поджимают хвосты, когда пугаются. А у шакала он часто поджат так же, как и у волка. Может быть, шакал всегда боится, не знаю, не берусь судить. Волк, я слышал, ничего не боится. Он просто живет по принципу осторожности. Инстинкт самосохранения у него развит чрезвычайно сильно. Потому, наверное, волков до сих пор полностью и не уничтожили.

Но здесь ситуация была другая. По крайней мере в данном ущелье шакалу было кого бояться – людей и всегда сопутствующего им запаха дыма. Пусть и жгут костры только ночами, но запах из ущелья сразу не выветривается, цепляется за скалы, за камни, впитывается в деревья и кусты. И это шакалу не понравилось. Возможно, он раньше обитал именно в этом ущелье и теперь по милости людей лишился доступа к логову. Маленьким шакалятам еще появиться на свет рано. Но само логово может быть утеплено и подготовлено к зимовью. Зима в горы приходит рано, особенно холодно по ночам. А шакал подготовленного жилища лишился.

Бандитов жалеть я не приучен службой. А вот шакала пожалел, хотя шакалов никто и не любит. Наверное, за противные голоса и за пристрастие к падали, хотя я читал, что шакалы – животные всеядные и питаются даже овощами и фруктами.

Вообще у меня натура такая. Мне, например, всегда было жалко собак-бультерьеров за их отвратительные морды. Мне казалось, что любить такую собаку просто невозможно. А держат их люди за характер, соответствующий характеру хозяина. И я жалел бультерьеров. Так же, как и шакалов.

Но раздумывать о шакалах мне сейчас было некогда. Я вытащил свой планшетник, включил его, предварительно свернувшись рядом с большим камнем и закрыв свет монитора корпусом. Посмотрел карту. И сразу стало понятно. Я же и раньше эту карту предварительно просматривал. Правда, тогда меня интересовало ущелье в другом месте, на километр примерно дальше.

– Борис! Это просто скала посреди ущелья. Обходи ее слева, там, видимо, и часовые проходят.

– Товарищ старший лейтенант, – вмешался в эфирный, но не прослушиваемый со стороны разговор младший сержант Володя Хозяинов, командир третьего отделения. – Я наблюдал смену часовых. Часовой с другой стороны шел.

Володя человек такой – любит порядок, любит все по полочкам раскладывать. И потому надежный, как скала. И при этом всегда спокойный и невозмутимый в любых обстоятельствах. Вдумчивый, и при этом обученный принимать решения очень быстро. Это проверено. Я со своим взводом, правда в разном составе, совершаю уже четвертую полугодовую командировку на Северный Кавказ. И все четыре командировки со мной провел здесь и младший сержант Хозяинов. Как и многие другие «контрактники». А «контрактников» во взводе две трети. Это

основная ударная сила взвода. Во втором и в третьем отделениях, которые сейчас находятся впереди и позади меня, вообще служат только одни «контрактники».

– Возможно. Если справа и есть проход, то он под скалой. Карта его не показывает. Она космической съемки. Со спутника такие проходы не видны. Но слева точно есть проход. Борис! Вперед! Обходи слева. Проверь возможность и доложи.

– Понял. Работаю, – ответил стандартной фразой командир первого отделения.

Со мной в глубину ущелья пошли только два отделения. И то потому, что они оба по своему численному составу почти равняются первому отделению. По крайней мере по силам они равны. Первое отделение должно выступить открыто после моей команды. Ликвидировав часового, отделение должно войти в ущелье и начать продвижение на максимально возможную глубину. Дальше будет моя корректировка. Или я пошлю кого-то из бойцов второго и третьего отделений на снятие второго часового, или сам пойду один или, что вернее, с кем-то из бойцов, чтобы в одном случае продемонстрировать, что умеет делать командир, – временами это необходимо демонстрировать для поддержания авторитета, или пошлю своего подчиненного, чтобы проверить его навыки в снятии часовых. Навыки эти у нас отрабатываются постоянно.

Или же этим делом займутся наступающие. Младший сержант Сережа Намырдин, командир первого отделения, и мой заместитель старший сержант Валера Кувалдин найдут кого выделить для выполнения той же задачи, а могут и сами пойти хоть по одному, хоть вдвоем. Оба они опытные бойцы и прекрасные рукопашники.

Мой замкомвзвода Валера Кувалдин не зря носит такую фамилию, потому что происходит из рода потомственных кузнецов, хотя наследственность в профессии пресеклась еще у отца Валеры, который месту у наковальни предпочел место у нивелира, став геодезистом.

А сам Валера стал военным, старшим сержантом контрактной службы. От своего рода Кувалдин унаследовал сильную кисть и тяжелую руку. И уже несколько раз на моей памяти, когда его отправляли снимать часового, беззвучно подкрадывался со спины и ударом кулака в четвертый шейный позвонок лишал человека сознания, а порой и сразу жизни, если противник оказывался слабоват здоровьем. От такого удара, как правило, травмировался спинной мозг, он переставал посылать сигналы в мозг головной, следовала моментальная потеря сознания, после чего не стоило труда сломать часовому шею простым поворотом головы. Тем более состояние часового было таково, что сопротивляться он уже не мог.

Мало уступал Кувалдину в силе и младший сержант Намырдин. Сережа имеет убийственный удар ногой. Если кто-то и успевал среагировать и подставить защитный блок против хай-кика младшего сержанта, то все равно не мог сдержать его мощную ногу, так как удар доходил до цели. И удар этот был такой силы, что никто не мог устоять на ногах. Зря, что ли, Намырдин был лучшим футболистом роты, да, наверное, и батальона тоже. По мячу бил не слабее, чем по чужой голове. И в футбольной команде бригады числился штатным пенальтистом. При этом легко, без всякой натуги выполнял шпагат, который, по правде говоря, у нас выполняет практически каждый солдат. Но не каждый делает это так легко, как младший сержант. А вообще для выполнения хай-кика вовсе не обязательно уметь делать шпагат. Достаточно просто иметь приличную растяжку, хотя, кто умеет выполнять шпагат, тому и бить ногой в голову легче.

– Товарищ старший лейтенант, – раздался в наушниках шепот младшего сержанта Питиримова. – Есть проход. Правда, он камнями завален. Похоже, осыпь весной была. Или даже целый сель² сошел. Русло на склоне видно – извилистое и длинное. Но вся вода давно сошла, пройти вполне можно. Я уже прошел. Но следов часовых здесь не видно. Или по воздуху летали, или в другом месте проходили.

---

² Сель – мощный водный поток, сбегаящий с гор, в котором минеральная составляющая – камни, почва и прочее – достигает более половины содержания самого потока. Вызывается обычно мощными ливнями или активным таянием снега в горах. Сбегает по склонам с большой разрушительной силой, оставляя за собой порой целое русло.

В этом вопросе полагаться на младшего сержанта можно полностью. Если уж Борис сказал, что нет следов, значит, их нет. Можно не искать.

– Понял, мы идем. Дождись напарника и выдвигайся вперед. Хозяинов, проверь путь часовых. Второе и третье отделения, вперед! – отдал я команду и пополз сам, соблюдая прежнюю дистанцию и одновременно являясь разделяющим звеном между отделениями. Второе отделение было впереди, третье – позади меня, в каждом отделении числилось по семь бойцов, не считая командиров, но все они были солдатами контрактной службы, следовательно, опытными и надежными. И, что лично мне всегда казалось очень важным, устойчивыми психологически.

Психология организма – это от природы, одному дано одно состояние, другому другое. Боевые навыки можно отработать до уровня среднего у любого человека, кроме откровенного дистрофика. Выше среднего – для этого уже необходимо иметь природные данные. Один имеет способности для рукопашного боя, другой – для стрельбы из снайперской винтовки, третий лучше всех владеет ручным пулеметом. Но вот психологическую устойчивость, если ее нет от природы, воспитать, мне кажется, невозможно. Хотя некоторые специалисты говорят, что этой устойчивости можно добиться с помощью «химии», то есть фармакологических препаратов. Однако мне кажется, что это не для спецназа, а для офисных работников или продавцов-кассиров в супермаркетах. «Химическая психология» человека является не чем иным, как флегматизмом и недопустимой заторможенностью. А в спецназе это недопустимо. При нашей работе повышенная чувствительность решает многое. И внешнее спокойствие, невозмутимость обязаны в бойце спецназа соседствовать со скоростью мышления и молниеносной реакцией на любое воздействие извне.

Я полз по камням, радуясь в душе современной системе экипировки «Ратник», имеющей наколенники и налокотники. Помню, когда нас учили ползать в военном училище, мы себе колени и локти под одеждой сначала натирали до мозолей, потом мозоли срывались, и образовывались участки открытого кровоточащего мяса. Об этом знали и наши командиры, но они считали, что офицер обязан уметь терпеть эту жгущую ноги и руки боль, и продолжали занятия. Придя на должности в бригады спецназа, мы не доводили солдат до такого состояния. Если у кого-то появлялись сорванные мозоли, отправляли такого человека на обработку к санинструктору. Может, это и было перестраховкой, потому что я лично не знаю человека, который бы умер от такой неприятности, и даже не слышал о таких.

А потом в обиход прочно вошли наколенники и налокотники, и ползать стало несравненно легче. Но для примера иногда приходилось рассказывать солдатам о том, как их предшественники еще несколько лет назад ползали в окровавленных штанинах, хотя в таких штанинах ползали только курсанты. . .

Добравшись до места, где младший сержант Питиримов наткнулся на скалу, я сделал знак Володе Хозяинову, подтверждая первый приказ. На всякий случай следовало знать, где еще есть проходы в этом месте.

Привычка общаться знаками оставалась даже тогда, когда я уже начал привыкать к тому, что наши шлемы снабжены системой внутривзводной связи. Хозяинов понял меня, о чем сообщил кивком, тоже к системе связи не прибегая. Но своему отделению команду отдал уже по связи:

– Третье отделение, за мной! – И свернул вправо.

– Володя, внимательно посматривай, могут быть мины, про которые знают только часовые. С места сообщи результат, а сам продвигайся вперед.

– Понял, работаю. . .

Таким образом, как только третье отделение ушло вправо, я оказался замыкающим среди тех, кого повел в ущелье, хотя командиру полагается быть в середине или впереди подразделения. Пришлось догонять второе отделение. Благо, ползать я умею быстрее большинства солдат,

как и полагается командиру взвода. Это, естественно, не привилегия должности, а последствия постоянных тренировок. Грубо говоря, вынужденная необходимость.

Как известно, наша армия частично формируется за счет призывников, в том числе и в войска спецназа ГРУ. И каждый командир взвода, обучая новое пополнение, вместе с ними проходит весь тренировочный процесс. Даже если не хочешь, обязан показывать сам, как следует ползать. И при этом не нарушать режим тишины. Что я без проблем и демонстрировал. Пластиковые противоосколочные наколенники и налокотники хотя и крепкие, с заплавленной внутрь арматурой из тонкой крепкой стали и нескольких слоев арамидной ткани³ – все же достаточно мягкие и пластичные, движению не мешают, но ноги от камней защищают.

Я без проблем добрался до основной группы и возглавил ее. Впереди оказался только младший сержант Питиримов и один из рядовых его отделения, сапер Николай Мукомохов, который полз первым. Еще в самом начале пути нам попала мина, установленная, на взгляд Мукомохова, весьма небрежно. Вообще-то такая небрежность обычно бывает не свойственна бандитам. Они самодельные взрывные устройства устанавливают тщательно и продуманно, уделяя большое внимание маскировке. Но кто знает, при каких обстоятельствах проводилось минирование. Возможно, что-то заставляло банду торопиться. Может быть, сыграло свою роль то, что мина была стандартной противопехотной, американского производства M18A1 «Клеймор», которые при наличии взрывателя натяжного действия всегда отличались капризным нравом и имели привычку взрываться при установке. И бандитский минер, зная это, торопился от мины избавиться.

Рядовой Мукомохов легко справился с работой. Придерживая пальцами натяжную проволоку в нужном положении и не допуская увеличения или уменьшения угла наклона контрольного усика, вывинтил взрыватель. Но после первой мины могли быть и последующие, установленные более тщательно. Поэтому я своей командирской властью послал в напарники к младшему сержанту сапера, хотя и сам Питиримов минным делом владел и мог справиться самостоятельно. Тем не менее я решил, что присутствие грамотного специалиста впереди необходимо. А в грамотности сапера я не сомневался.

Коля Мукомохов, хотя и не оканчивал Военно-инженерную академию при Генеральном штабе, все же был сапером высшего класса. Однажды он написал тридцать две страницы компьютерного текста, который, с трудом разбирая почерк и бесконечно обращаясь ко мне за помощью, набирала моя жена Анна, снабдил все это рисунками, выполненными, честно говоря, не слишком умело, но точно. Я через комбата передал это в штаб бригады, чтобы отправили в школу саперов, как и хотел того рядовой Мукомохов. Бумаги отправили, из школы саперов они ушли в Военно-инженерную академию, чтобы что-то, выборочно, можно было бы включить в пособия для школы саперов. А пособия как раз в академии и создавались. По слухам, один из преподавателей академии на основе этих данных защитил докторскую диссертацию и стал профессором. Радовало и то, что профессор этот стал одним из авторов нового пособия для школы саперов. Сам я это пособие не видел, но была надежда, что работа нашего сапера не пропала даром и его опыт вошел в материалы пособия. Но это все обычные армейские и академические дела, и удивляться здесь было нечему.

---

³ Арамидная ткань – ткань из арамидной нити, иначе называемой кевларовой нитью. Название «арамид» – это аббревиатура английского термина «ароматический полиамид». Молекула этого вещества представляет собой длинную цепочку, в которой большинство амидных связей связаны с двумя ароматическими кольцами одновременно. Такие связи имеют очень большую энергию диссоциации, а ароматические кольца обеспечивают высокую термостабильность молекулы. Данные свойства обуславливают основные качества арамидной ткани. При попадании в нее, например, пули арамидные нити резко расширяются и зажимают пулю, блокируя ее внутри себя. Из-за этого качества кевлар (арамид), сложенный во множество слоев, нашел применение при изготовлении бронезилетов. В противоосколочном варианте в целях уменьшения веса количество слоев делается меньше. В комплекте снаряжения «Ратник», помимо наколенников и налокотников, носятся противоосколочный круговой модуль-воротник и противоосколочные нарукавники. И сам комбинезон бойца тоже противоосколочный, хотя и с меньшим количеством слоев.

– Борис! Как дела? – поинтересовался я у ведущего.

– Понятно, товарищ старший лейтенант, почему они здесь не ходят. Уже четвертую мину обезвреживаем. Две были американские, и вот уже вторая СВУ⁴. Поражающие элементы – крупные болты и гайки. И шайбы тоже. Такие далеко не разлетятся, но если попадутся на короткой дистанции, пиши пропало. Ни один бронежилет не выдержит... Я уж подумал, не забрать ли их с собой, чтобы потом в гараж передать. У них всегда этого добра не хватает. Ржавые болты со списанной техники снимают. Но таскать не хочется. Разве что на обратном пути...

– На обратном, Боря, на обратном, – поддержал я командира отделения.

Солдаты автороты делят с нами этаж казармы. И часто общаются с моими бойцами. Потому Питиримов и в курсе того, что в гараже происходит.

– В автороте по нынешним временам трофейной техники не бывает, – поддержал Бориса старший сержант Кувалдин, находящийся в данный момент далеко вместе с первым отделением взвода. Наша система связи позволяла поддерживать устойчивую связь. – Говорят, после чеченской войны трофейной техники полно было. Можно было легко из трех-четырех подбитых новый танк собрать. Я слышал, даже собирали. Правда, не танки, а БМП. Но где-то, может быть, и танки тоже...

У нас в сводном отряде спецназа ГРУ на территории Северного Кавказа танков не было. Были только грузовики, боевые машины пехоты, бронетранспортеры и стандартные армейские «уазики». Да еще вертолеты-штурмовики. Два «МИ-8» и три «Ночных охотника», один из которых был придан нам на эту операцию. Пока он работал исключительно как устрашающий фактор. Летал в стороне, настораживая часовых и отвлекая их внимание. Но к ущелью не совался. У меня с экипажем вертолета была устойчивая связь через коммуникатор экипировки «Ратник», и, если вдруг возникла бы необходимость, «Ночной охотник» вступил бы в бой. Так было запланировано изначально в оперативном отделе сводного отряда. Узость ущелья позволяла производить эффективный ракетный обстрел.

Настоящая операция была из числа запланированных еще месяц назад, когда удалось приблизительно узнать, где прячется банда перешедших через грузинскую границу боевиков. На самом деле пришли они, конечно, через несколько границ. Сначала через границу Сирии и Турции, потом Турции и Грузии и только потом Грузии и России. Отслеживать банду начали еще в Сирии, когда поступил сигнал от информатора, что большая группа, больше двух десятков боевиков, планирует вернуться на Северный Кавказ.

О планируемом переходе границы с Турцией тамошние силы безопасности были уведомлены заранее. Неизвестна была только точная дата перехода. И турецкие пограничники то ли намеренно, то ли случайно, в силу своей неорганизованности, момент перехода прозевали. Таким образом, банда за четыре дня преодолела расстояние от западной до северо-восточной границы, что в километрах выливалось в значительную цифру, и так оказалась в Грузии. Оттуда, чтобы добраться до российской границы, бандитам хватило двенадцати часов.

По данным российской разведки, бандитов транспортировали на грузовиках. По пути даже делали остановки для торжественных застолий. Таким образом, через сутки банда уже была в России. Состояла она на две трети из дагестанцев и на одну треть, включая весь командный состав, из чеченцев. Поначалу было неизвестно, в какую из республик бандиты двинутся.

Через продолжительное время несколько бандитов совершили вылазку на «большую землю», тогда им понадобилось пополнить запас провизии. Для этого было совершено нападение сначала на легковой автомобиль на автодороге, был расстреляны водитель и его жена вместе с малолетней дочерью. Потом на этом автомобиле бандиты напали сначала на магазин в одном селе, потом на такой же магазин в другом. И там и там были убиты продавцы. Во вто-

---

⁴ СВУ – самодельное взрывное устройство.

ром случае расстреляна пожилая полуслепая женщина, бабушка семнадцати внуков, случайно ставшая свидетельницей налета. Видела женщина что-то или не видела – бандитов не интересовало. Свидетелей оставлять в живых они не желали.

По пути в ущелье бандиты вошли в стоящий на отшибе двор, застрелили собаку, четырех овец, которых загрузили в машину, но в дом при этом они не вошли и хозяев не тронули. Сами хозяева подсматривали за действиями бандитов в окно, вставив в дверную ручку ножку табуретки, но, не имея оружия, выйти не решились. Немолодой уже хозяин, по его собственным словам, схватился было за топор, собираясь защитить свое имущество, но жена не выпустила его из дома, намертво встав в дверях. Видимо, такая у хозяина была решимость, что его смогла остановить женщина! Хозяин думал, что бандиты войдут в дом, и приготовился к встрече. Но они сели в машину и уехали.

Машину потом нашли брошенной и заминированной в ущелье, а рядом отчетливо отпечатались следы множества ног. Впечатление складывалось такое, что кто-то умышленно оставлял следы. Разминирование много времени не заняло. Стали изучать следы. Их оказалось намного больше, чем предполагалось людей в банде. Специалист-следопыт сообщил, что в банде никак не меньше сорока человек. Что это могло значить? Сам собой напрашивался вывод, что пришедшая банда смешалась с какой-то местной, неизвестной. Или даже с двумя-тремя бандами, если судить по существующим реалиям, поскольку обычно более выживаемыми считаются небольшие банды, бандиты только изредка собираются в крупные формирования для осуществления серьезных акций. И еще очень неуверенно было высказано предположение, что бандиты намеренно меняли обувь, чтобы показать большее количество людей, чем их было в действительности.

Пытались отследить путь, которым двинулась банда. Но на камнях следы терялись. И по следам найти бандитов оказалось невозможно. Искать по ущельям – большая вероятность попасть в засаду и понести потери. Потому был использован беспилотник, который несколько ночей подряд кружил над окрестными ущельями и только с третьего захода, обследуя очередное ущелье, сумел засечь в тепловизор пятна горящих костров и людей рядом с ними.

Видеозапись проанализировали. И насчитали двадцать три человека. Вероятно, второй вариант, неуверенно подсказанный экспертом-следопытом, был все же верным. Ночную съемку с беспилотника повторили еще трижды. Эти трое суток были выделены сводному отряду спецназа ГРУ на разработку операции и подтверждение полученных данных.

Все сошлось. В банде было двадцать шесть человек. Трое из них находились на постоянных постах – часовые. Двое часовых сменялись через три часа, один, на дальнем рубеже, – через шесть. Первый занимал стационарный пост в начале ущелья, второй примерно на половине пути к лагерю, причем всегда в разных местах, а третий уходил на тот самый дальний рубеж, в верховья, где в это ущелье можно было проникнуть только через соседнее. Правда, для этого требовалось совершить короткую экскурсию в Грузию, и местность там – каменистое плоскогорье – по уверениям пограничников, полностью контролируется из России и из Грузии. Пограничники признавали, что тридцать процентов границы перекрыть полностью они не в состоянии и контролируют эти участки только с помощью редких пеших нарядов со служебной собакой. Зато за остальные семьдесят процентов пограничники ручались головой и погонями. Там перейти границу было невозможно.

Пространство в верховьях интересующего нас ущелья было не просто открыто для визуального наблюдения, оно еще и контролировалось множеством дублирующих друг друга приборов. Если не сработает один, сработают другие. Контроль над оставшимися тридцатью процентами границы – это вопрос финансирования погранслужбы, он может решиться только на больших верхах, так уверяли пограничники. Для этого требовалась политическая воля. Остальное решается, как и большинство других проблем. Было бы желание. В данном случае дело было только за ним.

Наша подготовка к проведению операции была стандартной. Точно так же мы готовились и в городке бригады. Причем готовились каждый день. А в командировке режим подготовки был иным. Здесь не было условий для создания полноценных тренировок. И потому солдаты отдыхали больше обычного. Единственное, что было доступно в городке, – это «Полоса разведчика»⁵, которую использовали чаще всего для проведения утренней разминки, и «Скалодром»⁶ в ее завершении. Полоса препятствий, кстати, была весьма удобной и для отработки навыков ползания. Ну и спортзал, где можно было заниматься рукопашным боем. Комплект боксерских мешков и манекенов был доступен для всех. Вот эти виды подготовки и занятия в учебных классах по специфическим дисциплинам, таким, например, как изучение тонкостей минного дела или снайпинга, и применялись в подготовке к операции. И нагрузки давались предельные, какие только может выдержать солдатский организм. Таким образом, начало операции, где стреляют и где есть прямая угроза для жизни, было для солдат своеобразным «праздником», потому что давало возможность отдохнуть от занятий...

* * *

– Питиримов! Я у тебя за спиной, вижу тебя и Мукомохова. Что застряли?

Младший сержант с рядовым залегли в середине узкого и относительно длинного, метров в шесть-семь, прохода между скалами.

– Взрывное устройство сложное, товарищ старший лейтенант, – за младшего сержанта ответил сапер. – Внизу только «растяжки», сейчас будем искать сами мины. Я так полагаю, взрывные устройства должны быть простыми фугасами, которые направлены на то, чтобы скалы на проход уронить. Придавить тех, кто здесь пойдет, и проход закрыть. К нам пока лучше не приближаться.

– Помощь нужна? – Конечно, минное дело я знал немного лучше, чем младший сержант Питиримов, и примерно настолько же хуже, чем рядовой Мукомохов.

– Никак нет. Сами справимся.

– Товарищ старший лейтенант, – опережая на секунду мое желание самому с ним связаться, вышел на связь младший сержант Хозяинов. – Тут какие-то странности для непосвященных.

– Рассказывай! Кроссворд на скале нарисовали?

– Я бы сказал, хуже. Под скалу шесть лазов. Абсолютно одинаковые. Но проходят часовые, я думаю, только по одному.

– Спички есть?

– Конечно. Охотничьи...

По коробку таких спичек в полевых условиях обязан иметь при себе каждый солдат спецназа. Этот коробок входит в комплект обязательных вещей точно так же, как коробка со средствами санитарной обработки и первой медицинской помощи, независимо от того, есть ли во взводе санинструктор и какой запас медикаментов он при себе имеет.

– Проверь каждый лаз на сквозной выход. По отклонению пламени. У сквозного прохода будет или тяга, или, наоборот, выдувание пламени.

– Уже проверили, товарищ старший лейтенант. Все – сквозные.

– Тогда придется искать. Предупреждаю, осторожнее. Наверняка пять из них – заминированы. Здесь хитрые спецы работают...

---

⁵ «Полоса разведчика» – удлиненная и усложненная стандартная армейская полоса препятствий, создаваемая самостоятельно силами подразделений.

⁶ «Скалодром» – специальное приспособление для отработки навыков скалолазания. Позаимствована армией в спортивном скалолазании. Но как правило, имеет большую сложность в прохождении.

- Понял. Лезу первым...
- Хозяинов, как всякий командир отделения, владел саперным делом.
- Докладывай чаще...
- Как за скалой окажемся, сразу доложу. Конец связи...
- Конец связи... Кувалдин! Слышишь меня?
- Так точно, товарищ старший лейтенант.
- Что там у вас?
- Отдыхаем. Загораем под звездами. Ждем команды.
- Понятно. Ждите. Уже скоро...
- Старлей, это майор Рудаковский, – вышел на связь командир экипажа «Ночного охотника», что барражировал в отдалении.
- Слушаю вас, товарищ майор.
- Нам не мешало бы на заправку слетать...
- Сколько это времени займет?
- Думаю, никак не меньше сорока минут. На всякий случай выпрошу у тебя пятьдесят. Через пятьдесят минут вернемся на место. Тебе еще сколько ползать?
- Полагаю, никак не меньше часа. Пятьдесят минут на заправку – это будет идеально. Летите. Ждем возвращения. О возвращении сообщите...
- Удачи...

Я слышал, как пилоты при разговоре со своими диспетчерами и командованием в заключение тоже говорят стандартную фразу «Конец связи». Но сказать это мне майор Рудаковский почему-то не пожелал. Посчитал, видимо, что я званием не вышел. Но это были мелочи, на которые не стоило обращать внимания. Мы внутри взвода тоже не всегда эту фразу произносим. Тем не менее понимаем друг друга. Да и не слишком сложно бывает по связи задать интересующий вопрос, который разговор продлит.

Мне, находящемуся между скал в самом начале узкого длинного заминированного прохода, не было видно вертолет. А расстояние заглушало звук его двигателя. Тем не менее я услышал, как разговаривают по общей связи солдаты первого отделения, над которыми вертолет летал уже больше часа.

- Наконец-то...
- Ненадолго. Через пятьдесят минут вернется...
- Мог бы и не возвращаться. Без него спокойнее.
- Отставить обсуждение приказов командования! – сказал я строго.
- Есть отставить обсуждение приказов! – прозвучало в ответ.

Я понимал солдат. В первом отделении шестеро солдат срочной службы. К формату службы, который мы зовем «двадцать четыре дробь семь», что означает двадцать четыре часа семь дней в неделю, то есть постоянная готовность к участию в любых действиях, которые прикажут выполнить, солдаты привыкли. Но иногда, когда обстановка особенно нервная, «срочники» по гражданской привычке скатываются к ворчанию. Порой не только обсуждают, но и осуждают приказы. А сейчас как раз такая нервная обстановка и есть. Существует старая, временем проверенная истина – нервы работают на износ не у того, кто в бою участвует или выполняет подготовительную работу для будущего боя, а у того, кто вынужден ждать своего участия в бою. Всегда и у всех перед боем нервы пошаливают, что вызывает естественное волнение даже у опытных ветеранов. Но потом, когда начинается бой, об этом уже не думаешь. Тогда уже нет никакого волнения. Тогда понимаешь только то, что обязан сделать, что должно привести к успеху. Все это примерно так же, как в спорте. И здесь очень важно не «перегореть» от излишнего волнения. И потому я часто даю солдатам «отдушину» – делаю вид, что не слышу их ворчания.

– Товарищ старший лейтенант, – на связь попытались выйти сразу два человека, но один не договорил, уступая место в эфире другому. – Нашли два взрывных устройства. Как я и предполагал, сильные фугасы, безосколочные. Да здесь осколки и не нужны. Скалы – сами видите! – с двух сторон нависают и свалятся только внутрь, в проход. Всех бы, кто в проходе находился, завалило.

– Понятно.

– Устройства дезактивированы. В каждом было по шесть стограммовых тротильных пашек и по одной двухсотграммовой. Восемьсот граммов с каждой стороны. В общей сложности – кило шестьсот. Этого хватит, чтобы гору своротить и устроить маленькое землетрясение. Я пашки, как и предыдущие, с собой прихватил. Всего у меня теперь два килограмма четыреста граммов тротила и гексогена. Взрыватели забрал. И провода от растяжек смотал. Могут сгодиться...

– Придумаем, что с этим делать, – согласился я. – Хозяинов, – вспомнил я, что и младший сержант тоже рвался на связь. – Что у тебя?

– Вышли, товарищ старший лейтенант, на противоположную сторону. Из шести проходов пять – заминировано. Только четвертый слева, или третий, если справа считать, нормальный. По нему часовые и пробираются.

– Кувалдин! Слышишь? Для тебя информация.

– Слышу и на ус бы намотал, да усы не ношу. У меня память рабочая. – Старший сержант обязан был прислушиваться к нашим разговорам и собирать информацию для первого отделения, которое поведет вместе с младшим сержантом Намырдиным.

– Второе и третье отделения, вперед! – послал я половину взвода дальше.

– Вперед! – уже своим бойцам скомандовал младший сержант Хозяинов.

Дальше передвижение тем более требовалось выполнять только ползком. Мы не знали точно, где располагается второй часовой. А в эту ночь беспилотник уже не летал над ущельем и не передавал данные. К сожалению, «малая авиация» работала без подчинения командованию сводного отряда спецназа ГРУ, а с МВД и ФСБ договориться можно было, как правило, тогда, когда им это выгодно, когда они сами в операции задействованы и ждут высокой оценки и потому стараются. Все могло быть иначе, если бы я не отказался в категоричной форме брать с собой на операцию взвод спецназа Национальной гвардии, поскольку знал, что местный спецназ укомплектован в основном не спецназом внутренних войск, который обычно имеет неплохую подготовку, а омовцами, чья боевая подготовка меня совершенно не устраивала. В бою только такие вояки и начинают понимать, что между разгонами несанкционированных митингов и настоящим боем существует значительная разница, и тогда моим солдатам придется не столько боевые действия вести, сколько смежников прикрывать и следить за тем, чтобы их не перебили. Неслучайно каждая их операция всегда бывает сопряжена с жертвами.

В данном случае мы шли уничтожать не простых бандитов, а имеющих немалый боевой опыт в Сирии и Ираке боевиков. Именно по этой причине и был задействован спецназ ГРУ, то есть армия, которая по своему положению на территории собственного государства не имеет права участвовать во внутренних конфликтах. Данный конфликт официально перестал считаться внутренним. Хотя в Россию вернулись ее граждане. Но вернулись они, став до этого боевиками псевдогосударства, назвавшего себя халифатом. И вернулись с желанием протянуть щупальца халифата на российскую территорию. То есть это была агрессия извне. А эти бандиты, если они попадутся к нам в руки живыми, что маловероятно, будут осуждены еще и по статье двести семьдесят пять «государственная измена» в придачу к статье УК РФ двести девять «бандитизм».

С доморощенными бандитами нам тоже приходится иметь дело, но это, как правило, нонсенс, спецназ ГРУ потом обвиняют в выполнении чужих функций. Однако практически каждая местная банда имеет в своем составе какого-нибудь «залетного» наемника, на которого

потом можно списать и наше участие. Чаще всего наемники представляют арабские страны, но встречаются среди них и немцы, и прибалты, и поляки, и украинцы, и даже белорусы, не говоря уже о парнях из бывших советских республик Средней Азии. В худшем случае нам всегда можно сослаться на неверные данные агентурной разведки. Ведь агентура, которую мы здесь вербуем среди местного населения, часто состоит из полуграмотных людей, которые полностью за свои слова отвечать не могут. Говорят, что думают, выдавая это за реальность.

Я сам лично десятки раз с подобным сталкивался. Хотя моя агентура в Дагестане не слишком обширная. Иначе и быть не может, если приезжаешь сюда в командировку только на полгода. А потом можешь и вообще больше не приехать. В лучшем случае вернешься через полгода, через год или полтора. Но передавать свою агентуру другому лицу не рекомендуется. Потеряешь перед самим агентом статус надежного человека. Вот и приходится каждому офицеру спецназа в каждом районе действия обзаводиться собственной агентурой, с которой и работаешь не больше полугода. Как правило, когда возвращаешься, если возвращаешься, прежние агенты уже работают на других. Чаще всего на полицию или ФСБ. Беда в национальном характере горцев. Они не любят предательства и предателей. А каждый завербованный «стукач», по сути дела, рассматривается среди своего народа как предатель. Обычно у таких людей есть причины ненавидеть окружающих. Они или в действительности были сильно обижены и унижены, или только считают себя такими от излишнего самомнения. Но количество таких людей сильно ограничено. Пока еще новых наберешь... Они же не по объявлению приходят. И часто приходится иметь дело с деклассированными элементами, с пьяницами и наркоманами, которые за мелкую подачку всех предадут, в том числе и тебя самого...

* * *

Мы ползли, как змеи, разве что не шипели, хотя у нас в роте, только в другом взводе есть старший сержант, который умеет по-змеиному шипеть. Мне рассказывали, что, сидя как-то в засаде, этот старший сержант отпугнул бандитов именно змеиным шипением. Бандиты не боятся людей, потому что понимают – спецназовцы такие же люди, как и они. Но змей даже самые отъявленные бандиты как существа иногда разумные боятся.

Мне тоже, когда я долго ползаю, иногда хочется зашипеть, как змея. Может быть, и получилось бы, но я ни разу в природе такого шипения не наблюдал и потому стараюсь непонятных звуков не издавать. Это может привлечь ненужное внимание.

С нашей тропы было снято и обезврежено еще два самодельных взрывных устройства, заряженных гвоздями, болтами и гайками. Но нас это уже не интересовало. Мы продвигались дальше...

Глава первая

Я полз и почему-то не шипел. Полз, представляя себя змеей, но при этом даже не знал, шипит ли змея, когда ползет, или для шипения ей необходимо остановиться и голову поднять, как при подготовке к атаке. Знал, что она шипит, когда предупреждает о своем присутствии, когда желает напугать. Но я никого о своем присутствии предупреждать не желал и пугать раньше времени не думал.

Способность представлять себя чем-то или кем-то иным во время выполнения определенного вида деятельности всегда существенно помогает. Всем это смело рекомендую. Меня этому один товарищ-курсант еще во время учебы в военном училище обучил. Он утверждал, что мысль материальна, только необходимо научиться воплощать ее, потому что сама по себе она таковой не станет. Когда бежишь на дальнюю дистанцию, представляй себя легконогой антилопой, и будешь бежать легко, ног чувствовать не будешь. Если бежишь, предположим, спринтерскую дистанцию, представляй себя пардусом⁷, и тогда во всех движениях появится стремительность сравнительно короткого рывка, свойственная самому быстрому зверю в мире.

Если бьешь рукой, представляй, что рука проходит внутрь головы или тела противника, тогда удар будет длиннее и обретет способность ментального. Можно представить каменные или металлические качества кулака, и он частично приобретет их. Я опробовал такую методику на себе и убедился, что это всегда помогает, необходимо только в своем представлении сделать правильный выбор.

Если представишь себя гепардом на пятидесятикилометровом марш-броске, то свалишься после первых пятисот метров – сердце остановится, поскольку гепард не бежит на длинные дистанции. Большим специалистом в передвижении ползком является черепаха, но передвигается она очень медленно. Будешь представлять себя черепахой, никогда не сможешь до нужного места добраться вовремя. Я при ползании предпочитал представлять себя иногда змеей, иногда ящерицей. Мне лично это всегда помогало. А потом, освоив такую психологическую технологию, стал обучать ей солдат. Не все могли подобное использовать. Наверное, здесь требуются особые данные – развитое воображение и еще что-то. Но у многих получалось.

– Товарищ старший лейтенант, мы свежий окурочник нашли. Еще теплый, – шепотом сообщил младший сержант Хозяинов.

– Осторожнее, второй часовой может оказаться где-то рядом. Внимательно просматривать все впереди. Тепловизоры не отключать.

Судя по всему, третье отделение взвода ушло вперед и сильно опережало второе отделение, которое постоянно вынуждено было очищать проход от расставленных бандитами мин. Это скорости второму отделению, конечно, не добавляло. Для проверки такого предположения я включил свой планшетник и активировал программу контроля за бойцами взвода.

Программа накладывала красные точки на карту ущелья. Каждая точка – это мой боец, у которого включен так называемый коммуникатор «Стрелец», официально называемый КРУ-Сом – «комплексом разведки, управления и связи».

Мне были видны все бойцы взвода, в том числе и те, что еще не вступили в боевую часть операции, но были готовы к этому. С включением программы автоматически начинает работать функция контроля самочувствия солдат. В данном случае самочувствие у всех было удовлетворительным. Правда, у нескольких солдат отделения, где много молодых «срочников», наблюдался повышенный пульс, который снимали датчики, вмонтированные в костюм экипировки «Ратник», но это было естественным явлением. В ожидании событий пульс учащается

---

⁷ Пардус – древнерусское название гепарда, который когда-то обитал на русских землях и широко использовался в княжеской охоте.

даже у опытных бойцов. И у меня случалось, когда я посылал на опасное задание солдат, и от них долго не было известий. Естественно, это было до того, как появилась внутривзводная система связи, позволяющая неслышно для окружающих общаться внутри группы.

Но в данный момент я просто убедился в своей правоте. Третье отделение, которому изначально, до того как начнется бой, предписывалась роль тылового прикрытия, шло со значительным опережением. Там путь был относительно свободным, и передвигаться можно было намного быстрее. И вопреки плану на второго часового, таким образом, должно было первым выйти третье отделение. Но кто бы ни нашел часового, это не меняло сути нашей работы. Младший сержант Хозяинов был в курсе предполагаемых действий, знал их очередность и ничего испортить не мог.

– Вижу часового, – сообщил Хозяинов. – Он не на месте сидит. Прогуливается по ущелью. От нас в тридцати метрах. Направляется в нашу сторону. Мы как раз в удобном месте для засады. Тропа идет между камней, каждый из которых может служить прикрытием. Ликвидировать можно без звука.

«Прогулки» часового не были для нас неожиданностью. Согласно данным с беспилотника, две ночи назад часовой точно так же прогуливался. Возможно, это была установка для поста, на которую другие часовые внимания не обращали, а один или двое выполняли. Возможно, с помощью «прогулки» часовой разгонял сонливость. Но предполагать что-либо не было нашей задачей.

– Сначала дожись, когда ему позвонят. Ликвидировать только после этого... – сказал я строго. Так было предусмотрено планом, и я это напомнил. Снятие часового сразу после «контрольного звонка» помогало нам выиграть примерно двадцать минут на подготовку к атаке.

– Это понятно, – ответил младший сержант. – Пропустим в одну сторону иждеждемся возвращения. Я, пожалуй, пошлю следом за часовым своего бойца. Пусть присмотрит, а то мы можем телефонный разговор прозевать.

– Добро. Работайте...

– Старлей! Это майор Рудаковский. Мы вернулись на место. Возобновляем полеты в прежнем режиме удаления.

«Ночной охотник», как должно было показаться со стороны, караулил дорогу, что проходила неподалеку, кружил в качестве охраны или же, наоборот, поджидал жертву. В сторону ущелья он поворачивался носом только во время совершения маневров. Это во избежание подозрений. У «Ночного охотника», кстати, обзор круговой, и ему не важно, куда его нос обращен. Он все равно увидит, что нужно.

– Добро, товарищ майор! Мы скоро начинаем. Выходим на последний рубеж. – Я посмотрел на часы. Вертолет вернулся через тридцать восемь минут вместо обещанных пятидесяти. – Время в запасе еще есть. Кувалдин! Как у вас дела?

– Все согласно графику, товарищ старший лейтенант. Поднял снайпера. Он вышел на поиск позиции. Сразу после телефонного звонка часовому начнет работать. И даст нам сигнал. Мы выступим бегом.

– Понятно. Готовность номер один. Слушай, Валера, наши разговоры, ориентируйся по ним. График составлялся далеко отсюда, а в кабинете оперативного отдела не всегда видно, как дело в действительности обстоит.

Офицеры оперативного отдела штаба отряда давно уже не обижаются, когда разработанный в их кабинете план становится пустышкой. Все они служили в линейных частях, все знают, что в восьмидесяти процентах случаев, когда работает спецназ, план приходится на ходу корректировать или полностью менять и «работать от обстановки». Хотя вначале все стараются разработок оперативников придерживаться. Особенно это касается временного графика, который опирается на нормативы, скажем, в скорости передвижения бегом или ползком. Здесь еще удается добиться определенного совмещения расчетов. Но временной график всегда составля-

ется только на самое начало операции. Иногда и на окончание, но после получения конкретных данных от непосредственных исполнителей. Например, вылет вертолета для эвакуации подразделения, если есть такая необходимость. А такая необходимость случается достаточно часто. По крайней мере командир взвода, которого мы сменили в отряде, жаловался мне при передаче дел, что после каждой операции за взводом посылали вертолет, но лететь приходилось не в казарму, а на новую операцию – обычно в поддержку других подразделений, чаще всего спецназа МВД или ФСБ, короче говоря, приходилось выручать смежников.

Вертолет привозил взводу «груз сто»⁸ и несколько коробок с «сухим пайком». И как правило, забывали привезти простую воду, считая, что соки, которые есть в «сухом пайке», в состоянии утолить жажду. Но удивляться тому не приходилось. Сразу вспоминался формат службы «24/7», который предусматривал такие обстоятельства. А однажды взводу, как мне жаловался лейтенант, пришлось раз за разом участвовать в шести операциях подряд. Он вынужден был признаться начальнику штаба отряда, что солдаты в изнеможении и уже наполовину потеряли свою боеспособность. Только после этого дали долгожданный отдых. И то – только на сутки. И это после пяти суток непрерывных боев. Спали тогда только в вертолете, при перелете с места на место.

Мне об этом рассказывали старшие офицеры и ветераны спецназа, которые еще захватили войну в Афганистане. Там служба проходила в таком же формате. В предыдущие три полугодовые командировки на долю моего взвода такого не выпадало. Но сейчас, сразу по приезде в отряд, глядя на меня бесцветными водянистыми красными и тоже хронически невыспавшимися глазами, обстановку обрисовывал начальник штаба майор Луганович, представляющий в отряде одну со мной бригаду, следовательно, хорошо меня знающий:

– Ситуация здесь совсем не такая, как год или полтора назад. В Сирии и в Ираке боевикам-игиловцам крепко дают под зад. Тяжелой ногой пинают. Боевики уже не рады, что туда уехали. Конечно, я не могу судить обо всех боевиках, особенно из местных – сирийцев и иракцев, которых там большинство. Но по крайней мере, парни с Северного Кавказа точно не рады. И рвутся вернуться назад. А ИГИЛ всеми силами стремится расширяться, и помогают им в этом сильно, даже отправляют сюда с подкреплением из числа тех, кому на родине оставаться невозможно, а ехать больше некуда.

У многих из их командиров, которые были когда-то знакомы с Северным Кавказом, в памяти сохранилась первая чеченская война, и они слышать не хотят, что сейчас и Россия стала другой, и народ на Северном Кавказе встретит их иначе. И надеются на расширение своего мнимого халифата на Север. Грех будет говорить, что сторонников у них здесь нет. Нет только массовой поддержки. А простые сторонники, которые поверили словам о всеобщей, почти как при коммунизме справедливости, есть. И глубоко законспирированные. И не только на Северном Кавказе, но и, скажем, в Татарии, в Башкирии, в других центрах мусульманства, на нефтеносном Севере России, где усиленно создавались исламистские ячейки, чтобы захватить богатейшие нефтью и газом районы. И вернувшиеся исламисты, и те, кто был в глубоком подполье, а теперь присоединяются к ним, пытаются установить в горах свою власть. Сначала власть террора, а потом они будут стараться и государственную власть прибрать к рукам. Вот с этими бандами сейчас предстоит бороться, искоренять их как можно быстрее и делать это максимально интенсивно. Потому работы у спецназа добавилось.

– Готовы хоть к ежедневным боям, товарищ майор, – слегка хвастливо уверил я начальника штаба, хотя понимал, что ежедневных боев в течение полугодовой командировки не выдержит психика даже самого уравновешенного человека. И офицерская психика будет не в состоянии это выдержать. Что же тогда о солдатах говорить. Они просто могут сломаться морально, и тогда домой вернуться не мальчишки, которых родители отпускали на службу в

---

⁸ «Груз сто» – боеприпасы.

армию, а хронические и хорошо обученные убийцы, опасные для общества. И наша задача, задача командиров разного звена, не допустить такого перелома в характере.

Лейтенант, командир взвода, которого мы сменили, перед отъездом выглядел, как мне показалось, слегка нервным. Но я его не знаю, и потому мне трудно судить – не исключая, что он всегда такой. Но и взвод его, как мне показалось, выглядел не лучшим образом в отношении дисциплины. Впрочем, это впечатление тоже могло оказаться поверхностным.

Я свой взвод при любых обстоятельствах постараюсь не распустить. И потому я никогда не позволяю солдатам пропускать занятия с психологом. Конечно, занятия у нас не такие, как в знаменитом детском саду, где дети после встреч с психологом стали идеально послушными, только сильно вздрагивали при слове «электрошокер».

Психолог требовался для того, чтобы определить психическое состояние бойца. Если это состояние начинало «хромать», требовалась беседа уже с психотерапевтом, обеспечивающим нервную разгрузку всего за один сеанс суггестии⁹.

Офицерам пользоваться такими сеансами разрешалось только в крайнем случае, при совершенно расшатанной психике. Тому было естественное объяснение. Человек, часто попадающий под влияние гипнотизера, становится неустойчивым к чужому влиянию вообще. А для офицера спецназа ГРУ это считается недопустимым. Конечно, гипноз в процессе нашей подготовки использовался тоже, но только легкие его формы, когда, например, проходило обучение владению методом саморегуляции. Там не было необходимости в полном погружении в гипнотический сон. Более того, некоторые из нас на курсах повышения квалификации офицеров спецназа проходили специальный курс устойчивости и противостояния гипнотическому воздействию и воздействию с помощью различных психотропных препаратов из группы «сывороток правды».

Размышляя об этом, я продолжал движение позади младшего сержанта Питиримова и рядового Мукомохова, соблюдая дистанцию метров в двадцать. Это при передвижении ползком считается оптимальной дистанцией от идущего впереди сапера. При инициализации самодельного взрывного устройства поражающие элементы, как официально называются осколки, разлетаются под небольшим, нефиксированным и всегда разным углом от поверхности земли. И на такой дистанции осколки пролетают, как правило, над головой. Хуже бывает, если взрывное устройство расположено высоко и установлено так, чтобы осколки летели вниз. Тогда спрятаться от них трудно, если вообще возможно. Остается надеяться на свое везение. Но двадцатиметровая дистанция и в этом случае дает какую-то гарантию безопасности.

Чаще всего радиус разлета поражающих элементов в самодельных взрывных устройствах покрывает площадь в десять-пятнадцать метров. А все, что улетает дальше, уже теряет скорость и ударную силу.

Отставая от меня, как и полагается, на пять метров, один за другим передвигались с соблюдением дистанции бойцы второго отделения. Последним, как я знал, полз к цели второй взводный снайпер ефрейтор Толя Паровозников со своей винтовкой ВСК-94. Первый взводный снайпер сержант Георгий Ничеухин остался с первым отделением и будет занят на ликвидации первого часового. Его винтовка позволяет работать с дистанции более двух километров – DXL-4 «Севастополь», калибра 10,3x77 мм¹⁰. Сам калибр почти противотанковый, никого не оставит в живых.

---

⁹ Суггестия – внушение (лат. suggestio – суггестия) – психологическое воздействие на сознание человека, при котором происходит некритическое восприятие им каких-то убеждений и установок, попросту говоря, гипноз.

¹⁰ Калибр 10,3x77 иначе называется «408 Cheytac». Этот патрон изначально был создан в США специально для снайперов. Под патрон была создана и винтовка, которая при первом же испытании сломала стрелку плечо. В дальнейшем новая винтовка из-за сильной отдачи в США так и не была принята на вооружение. Но российский конструктор оружия Владислав Лобаев сумел решить эту задачу на своей частной оружейной фирме «Lobaev Arms», создав винтовку DXL-4 «Севастополь» именно под такой патрон. Одновременно российский оружейник изменил и сам снайперский патрон, сделав его приемлемым для многих винтовок своего производства.

Выбравшись на открытое место, я не в прицел, как другие, а в свой командирский бинокль, снабженный тепловизором, стал рассматривать противоположную сторону ущелья. И сразу поймал в окуляр свечение за камнями. Это спрятались бойцы третьего отделения, пропуская к себе в тыл второго часового. Ждут, когда тому позвонят или он сам позвонит, чтобы доложить обстановку. Доклад, естественно, может быть только один – «все спокойно». Этот доклад будет приговором тому, кто его сделает. Захватывать кого-то в плен, чтобы возиться с ним, связывать, а потом еще и охранять, желающих во взводе обычно не находится. Бандит должен быть ликвидирован. И он будет ликвидирован любым доступным способом, и при этом без звука. Это можно было смело утверждать, основываясь на предыдущем опыте. Тем более что впереди идут бойцы контрактной службы, для которых эта командировка в «горячую точку» является далеко не первой.

Я наблюдал в бинокль и не видел ни одного человека – только легкое свечение над камнями. Оснастка «Ратник» хорошо скрывает тепло, оно исходит только от лиц солдат и от их неприкрытых рук.

Но вот вдалеке появилось свечение более яркое. Самого человека за камнями видно не было. Только тепло, от него исходящее, было несравнимо с тем, что исходило от солдат моего взвода. Часовой просто «сиял» в тепловизоре. А все оттого, что не имел костюма от экипировки «Ратник». Я много раз слышал, что бандиты устраивают настоящую охоту за каким-то новым видом оружия. Но еще не слышал, чтобы охота шла за костюмами. Впрочем, таких костюмов еще не имеет ни одна армия мира. Если, не приведи бог, случится сейчас какой-то международный конфликт, наши солдаты сразу получают существенное преимущество над противником за счет суперсовременной экипировки.

Высокотехнологичное оружие имеется в армиях разных стран, взять, к примеру, США или Китай. Но вот костюмов, подобных нашему, ни в одной армии мира пока нет. И не скоро появятся. Насколько мне известно, заявки на «Ратник» делали и китайцы, и индусы, и даже сирийцы с иранцами. Но наш Оборонэкспорт отказался начинать любые поставки, пока полностью, и даже с запасом на несколько лет, не будет оснащена российская армия.

В принципе так должно быть всегда. Но к сожалению, не бывает. Если даже далекая Мексика получила на вооружение гранатометы РПГ-29 «Вампир» задолго до того, как они стали поступать в российскую армию. Кому-то прибыль оказалась важнее вооружения собственных солдат. Но на это всегда существует воля руководства. В случае с «Ратником» она была проявлена...

* * *

Я в тепловизор бинокля имел возможность наблюдать за работой своих солдат. Чем я и занимался. Когда часовой вышел из-за высоких камней, я увидел, что он держит около уха предмет, который «светится» в тепловизоре особенно сильно. Если лицо и руки часового выглядели ярко-красными, то предмет в руке был белым. Хотя до этого я никогда не рассматривал в бинокль смартфон, я все же понял, что именно он в руке часового. Значит, ему позвонили с проверкой. Беседа была недолгой. Часовой отключился от разговора, изогнулся, стараясь засунуть трубку куда-то глубоко-глубоко под одежду и, видимо, под бронезилет, когда со спины что-то большое полетело ему под ноги.

Часового дернули за ноги, он, взмахнув свободной рукой, уронил автомат и упал лицом в землю. То, что метнулось ему под ноги, оказалось человеком, который запрыгнул лежащему на спину, нанес короткий удар под основание затылка, после чего ухватил бандита за голову и резко ее повернул. Мне не было слышно, как хрустнул шейный позвонок, но он точно должен был хрустнуть. Часового на внутреннем посту больше не было...

– Товарищ старший лейтенант, готово! – сообщил младший сержант Хозяинов.

- Питиримов! Слышал?
- Так точно, товарищ старший лейтенант.
- На соединение с Хозяиновым. Быстро!
- Понял! Отделение! За мной!

Командир второго отделения вместе с сапером рядовым Мукомоховым быстро вскочили впереди меня и резво побежали к противоположной стороне ущелья. Солдаты отделения, что ползли позади меня, соблюдая прежнюю дистанцию, стали перебегать ущелье вслед за младшим сержантом. Я бежал вместе со всеми.

Хозяинов нас дожидался, не выдвигаясь дальше. И только когда я, приблизившись, дал знак рукой, младший сержант снова выдвинулся вперед. Здесь, на тропе, по которой постоянно ходили часовые, не должно было бы быть мин и самодельных взрывных устройств. Тем не менее я дал команду:

- Володя! Мукомохова с собой возьми!

Володя Хозяинов присутствовал на «проработке» операции и знал, куда ему следует идти вместе с сапером. Остальных бойцов должен был вести за собой я, в том числе и бойцов третьего отделения.

– Понял. – Командир третьего отделения сбавил ход, а рядовой Мукомохов, не дожидаясь приглашения, побежал дальше. И снова все пошло как раньше – командир одного из отделений с сапером шли впереди, только теперь я опять передвигался между двумя отделениями, а второе отделение перешло в тыл группе, временно уступив третьему отделению сапера. Впрочем, Мукомохов был не сапером отделения, а взводным сапером, то есть мог работать вместе с любым бойцом взвода и даже в одиночестве, что случалось чаще. Но в данной операции ему пришлось уже во второй раз работать в паре – сначала с одним командиром отделения, потом с другим.

- Кувалдин! – позвал я.

– Слышу, товарищ старший лейтенант. Как только снайпер отработает, мы выходим. Полным составом.

- Товарищ майор? – позвал я командира экипажа «Ночного охотника».

- Я слышу, старлей. Мы готовы. Ждем твоей команды...

В этот момент наушники донесли до нас звук выстрела DXL-4 «Севастополь». Если бы не глушитель, то выстрел звучал бы, как выстрел из легкого противотанкового орудия. Но глушитель позволял подавить звук выстрела даже сверхзвуковой пули до вполне приемлемого. В ущелье его услышать могли только мы, и то через наушники. Тем не менее в наушниках этот выстрел прозвучал достаточно громко. Это потому, что снайпер при прицеливании прижимался микрофоном к винтовке.

- Кувалдин! Поехали...

– Отделение! За мной! – прозвучал зычный и весомый, как его кулак, голос старшего сержанта...

Глава вторая

Я посмотрел в монитор своего планшетника. До лагеря бандитов оставалось не более ста пятидесяти метров.

– Второе и третье отделения! За мной! Заходим к левой стене.

Левая стена ущелья, самая дальняя от бандитского лагеря, стояла вертикально и создавала для нас прекрасное место для обстрела. Прямо под стеной громоздились крупные камни, словно кто-то позаботился и обеспечил нас брустверами.

– Товарищ старший лейтенант! Стоп! – раздался торопливый голос рядового Мукомохова. – Возможно, сюда нельзя...

– Что случилось?

– Кабель...

– Какой кабель? – не понял я, но, если сапер предупреждал об опасности, следовало остановиться.

– Из лагеря к стене идет. Возможно, к взрывному устройству. Электрический взрыватель... Если стену заминировать, она нас накроет, когда взорвется...

Это был умный ход бандитов. Даже если он был сделан в профилактических целях. То есть бандиты не знали, будет на них нападение или нет, но заранее просчитали удобную позицию для обстрела своего лагеря федералами. И позиция эта находилась прямо под стеной, которую можно было обрушить. Если бандитский сапер умеет делать направленные взрывы, то проблем не возникало.

– Обрезать кабель можно? – поинтересовался я.

– Сейчас существуют такие взрыватели, которые на размыкании контакта срабатывают. Вполне может оказаться такой. А может, что и похуже, судя по тому, что позади осталось...

– Давай без загадок. Выкладывай...

– Это может быть мина-обманка. Мы подумаем, что ликвидировали ее, зайдем позицию, а взорвутся другие. По радиосигналу, предположим. Слишком уж откровенно кабель нам показали. Немного заложили камнями, и все. Просто натуральная дорожка из плоских камней поперек тропы. Дурак поймет, что камни сами по себе так не лягут. Посмотрит, что под камнями. Я, похоже, и есть тот самый дурак – посмотрел. Там кабель к стене идет.

– Значит, на позицию выходить невозможно?

– Не возьму на себя смелость это утверждать. По крайней мере, товарищ старший лейтенант, это чрезвычайно опасно. Это я могу сказать точно. Стена неустойчивая. Несколько взрывов ее обязательно уронят. Боюсь даже, что несколько выстрелов из гранатомета...

Противоположный склон был почти до середины относительно пологим. Уклон составлял не больше тридцати градусов. В самой стене, что стояла сразу за склоном, было несколько небольших гротов. В одном из них, видимо, обустроилось командование банды. В другом был продовольственный склад, в третьем – лазарет, в четвертом – склад боеприпасов. А внизу, в самом ущелье, на дне, стояли палатки, в которых жили бандиты. Откуда эти данные появились в оперативном отделе, мне никто не сообщил. Да это было и не важно. Взрывные устройства скорее всего управлялись из командного грота.

– Мукомохов! – позвал я сапера.

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Что замолчал? Что предполагаешь делать?

– Пройду по кабелю. Поищу, куда он ведет.

– А потом?

– Буду искать другие взрывные устройства. Если хоть одно найду, значит, их там много. И место очень опасное.

– Хорошенькая история... А нам что предлагаешь делать? В штыковую идти? Так у нас автоматы штык-ножей не имеют.

– Не могу знать, товарищ старший лейтенант...

Вообще-то в комплект оснастки «Ратник» входит штык-нож «Шмель». Этот штык-нож подходит к автомату Калашникова, но не подходит к нашим компактным автоматам 9А-91 с глушителем. Штык-нож просто невозможно закрепить на глушителе. И потому мы держим это холодное оружие просто в виде боевого ножа. А в штыковую атаку ходим не со штыками, а с малыми саперными лопатками, заменяющими нам и бритвы, и топоры, и ножи. Кстати, у меня появилась мысль относительно такой атаки.

Два отделения взвода, что шли позади меня, остановились со мной одновременно, хотя разговор с сапером касался только меня и решение предстояло принимать мне. Нужно было оценить риск обвала каменной стены. Сам я это сделать был не в состоянии и потому вынужден был полностью доверять такому специалисту минного дела, как рядовому Мукомохову. Или же не доверять. А солдаты уже должны выполнять мою команду и доверять мне, как командиру, даже если я не вызываю у них доверия. Но если я имею право в чем-то не доверять отдельному солдату, то сами солдаты права не доверять моему мнению не имели. И потому они ждали моего решения.

– Мукомохов!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Работай! Ищи...

– Ищу. Но могут ведь так спрятать, что и найти не удастся. У них времени было много. Камни маскировки могли даже зацементировать.

Это он вовремя заметил. Я вспомнил, что во время ограбления магазинов с крыльца одного из них, где делался ремонт, было украдено два мешка цемента. Здесь, конечно, и одного мешка хватило бы, но второй можно было взять про запас. А песок в ущелье есть в изобилии. И вода тоже. Сделать крепкий раствор нетрудно...

– Могут. Но цемент по цвету отличается от местных камней.

– На это и ориентируюсь. Хотя подкрасить раствор каменной крошкой несложно. Я с этим уже встречался.

– Что встали? – обратился я, обернувшись к солдатам взвода. – Устраивайтесь на отдых до выяснения обстоятельств.

«До выяснения обстоятельств» в данном случае ничего не значило. Я уже по большому счету практически принял решение. В опасное место вести взвод не стоит. Мукомохов правильно заметил, что хватит несколько выстрелов из гранатомета, чтобы стену своротить и обрушить. И она упадет на наши головы. Это следует рассматривать как второй вариант после взрывов. Даже если Мукомохов с младшим сержантом Хозяиновым ничего не найдут, все равно занимать позицию под стеной будет опасно. Бандиты, видимо, рассчитывали, что кто-то придет сюда темной ночью и не сумеет сразу разобраться, под какой стеной занять позицию. Ориентироваться будет по карте. А карта не показывает устойчивость стены. А мы вот благодаря внимательности взводного сапера разобрались.

План операции разрабатывался в оперативном отделе сводного отряда в соответствии с картами космической съемки и картами съемки с разведывательного беспилотника. Но так невозможно было рассмотреть качество и устойчивость скал, под которыми нам предлагалось оборудовать свою позицию. И в этом случае списать ситуацию на ошибку оперативного отдела было невозможно. Я с подобными картами много раз работал и знаю их качество.

И я принял решение – нужно дождаться прихода первого отделения и атаковать бандитский лагерь врукопашную. Это автоматически лишало нас поддержки вертолета «Ночной охотник», но другого выхода я не видел. В любом случае эффект неожиданности был еще на нашей стороне. Главное, чтобы старший сержант Кувалдин поторопился.

– Кувалдин!

– Я! Идем в темпе в вашу сторону. Уже вошли в ущелье. Проверили часового. Пуля ему в шею попала. Голову практически оторвало. На куске кожи висит.

– Я понимаю, что жалко человека, но ты можешь скорость добавить?

– Сейчас будем нырять под скалу. А дальше перейдем на бег.

– Давай, Валера, постарайся. Время нас поджигает. До следующего контрольного звонка ты должен быть здесь...

– Будем, товарищ старший лейтенант, – твердо пообещал замкомвзвода.

Я знал, что Кувалдин умеет отвечать за свои слова. И верил ему.

Я, пока время позволяло, забрался на подходящий по высоте камень, для чего потребовалось попросить помощи у двух солдат, которые меня легко подсадили, и оттуда стал рассматривать в бинокль бандитский лагерь. И сразу же, на ходу, вырабатывал план атаки.

В этот раз, вопреки обычаю, мне уже не смогут предъявить претензии в оперативном отделе, где всегда стараются обратить внимание на отклонения от разработанного плана. Оперативники обижаются: выходит, они зря сидели ночи напролет, сводя воедино разрозненные данные и разрабатывая просчитанный по времени каждый шаг взвода. Работа, конечно, кропотливая, нудная и утомительная, и я понимаю людей, что прикладывают столько усилий, которые в итоге оказываются никому не нужными. Я множество раз уже выслушивал подобные претензии, но, как всегда, предпочитал действовать согласно расчетам только тогда, когда это являлось необходимостью. А позже действовать исходя из обстоятельств, которые не всегда складываются так, как их видят в оперативном отделе. Сейчас обстоятельства давали возможность действовать только одним способом.

Бинокль показывал мне привычные ряды палаток армейского образца. Точно я вспомнить не мог, но, кажется, подобные палатки использует армия Ирака, чьи склады были захвачены игиловцами. Впрочем, я мог и ошибаться, потому что со времен училища не заглядывал в соответствующие справочники. Кажется, слегка похожие палатки имеются и в сирийской армии, на чьих складах боевики тоже имели возможность пожить. Да и у турецкой армии, кажется, палаточные городки выстраиваются таким же порядком, в два, а иногда даже в четыре ряда, только сами палатки у турок несколько другие, более европейского вида, что ли. И еще у турок с двух сторон лагеря выставляются дежурные палатки, в которых сидят сменные офицеры, отвечающие за порядок в лагере. Офицерские палатки обычно в ряд не вписываются, а ставятся просто в середине. И еще у турок обязательно есть часовая в лагере. Здесь часового не было. Бандиты, видимо, посчитали, что достаточно иметь одного часового в верховье ущелья и двух в нижней его части.

Тепловизор моего бинокля легко нашел и жилой грот в стене, где располагалось командование банды. Грот был, видимо, не слишком глубоким, и потому вход был занавешен какой-то плотной тканью типа одеяла или пледа. Тем не менее в щели выходило активное тепло, улавливаемое прибором. Тепло было темно-красного цвета, что говорило о его естественном происхождении. Скорее всего его излучали несколько человеческих тел.

– Товарищ старший лейтенант, вижу вас... Мы на подходе... – доложил старший сержант Кувалдин.

– Понял, подходите ближе. Хозяинов, Мукомохов, доложите обстановку.

– Прошли по кабелю. Он в расщелину уходит, а что в самой расщелине – неизвестно. Туда не пролезть. Возможно, там даже нет ничего. Просто камень к концу кабеля привязали и забросили как можно дальше. И дернуть нельзя. Мы же не знаем, что там такое. Осмотрели еще три расщелины. Пока ничего не нашли. Расщелин здесь множество. И вертикальные, и под углом, и даже горизонтальные. В любом месте можно установить взрывное устройство. Здесь простой фугас нужен. А его установить недолго. Главное, хватило бы взрывателей.

– Ладно. Бросайте это неблагодарное дело, выходите к другим. Будем новым путем идти. В рукопашку...

Наушники донесли до меня дружный шепот солдат взвода. Рукопашный бой – это большая редкость в операциях спецназа ГРУ. Обычно мы стараемся не допускать противника до такого тесного контакта, при котором возможно применение всего, чему солдат обучали ежедневно. Все хотели себя испытать в деле.

– Хозяинов, выходи к дальнему концу бандитского лагеря. Сейчас Питиримов поведет туда свое и твое отделения. Со мной остается только ефрейтор Паровозников.

– Есть остаться! – доложил второй снайпер взвода.

– Постарайтесь без звука проходить палатку за палаткой, – продолжил я давать задание. – Встретимся посередине. Я пойду с этой стороны с Кувалдиным. Сильно не торопиться. Если кто-то не вовремя проснется, можно применять автомат. И только на опережение встречной стрельбы. Хотя лучше обойтись лопатками и ножами.

Наши штатные автоматы специально были подготовлены для подобных операций. Сам звук выстрела слышно не было. Пневматическая винтовка стреляет намного громче. Зато слышен звук переводимого автоматикой затвора. Это, конечно, не самый приятный момент, и в особых обстоятельствах является демаскирующим элементом, тем не менее запрещать солдатам применять огнестрельное оружие неразумно и даже рискованно, поскольку бандитам этого никто не запретит.

Но стрельба из наших автоматов не поднимет переполоха в лагере. Лязганье затвора, если оно одиночное, не способно вызвать тревогу. Мало ли какой шум может иметь естественное происхождение. Кто-то во сне дернул ногой, что-то уронил – вот и звук. Во сне это естественное явление. Я сам однажды, когда ехал в поезде, кого-то увидел во сне. Нога ударила того, кто мне приснился, в результате чего купе стало иметь хорошую вентиляцию. Нога пробила двойную стену с утеплителем и вылезла в коридор. Это происшествие стоило мне денежных затрат, хотя, когда на станции проводница вызвала наряд милиции, как тогда еще называлась теперешняя полиция, менты восприняли мое поведение вполне адекватно и только восхищались ударом, который пробил насквозь двойную стену. Представляли, должно быть, что с головой станет от такого удара. К счастью, дело было ночью, никого за стеной в коридоре не оказалось. Но самое забавное было то, что ни в одном из соседних купе никто не проснулся.

Точно так же хотелось надеяться, если в одной из палаток будет лязгать затвор автомата, в соседних никто не проснется. Тем более что для солдат спецназа ГРУ очередь в три патрона считается nonsensом. Мы обучаем солдат стрелять очередью в два патрона, потому что третья пуля, как показывает боевая практика, всегда летит мимо, даже если ствол автомата снабжен компенсатором. А у нас на всех стволах стоят глушители, и компенсатор здесь поставить невозможно. Потому при длинной по нашим меркам очереди ствол автомата будет уходить вверх и влево. Конечно, есть специалисты, в основном среди пулеметчиков, которые держат оружие железной хваткой, и пули длинных очередей ложатся туда, куда их посылает стрелок. Но это исключение.

Я спрыгнул с камня, потому что увидел приближение первого отделения. В ночи двенадцать бойцов, десять солдат и два сержанта казались большой толпой, хотя шли колонной по два и даже держали дистанцию между шеренгами. Но я на ночной обман не поддался, поскольку перед этим смотрел в свой командирский планшетник и видел весь маршрут продвижения первого отделения.

– Снайперы! Выбирайте позицию. За вами грот в противоположной стене. И все бандиты в гроте. Там, возможно, есть не только автоматы, поэтому пресекать всякую попытку применения оружия. Ничеухин со своим «громобоем» только боится. Основной обстрел ведет Паровозников. Жилой грот показать? Или сами в прицел определите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.